

Все завершается, как под копирку,
Будущий год еще так одинок.
Кто-то проделал огромную дырку
В прошлом и смотрит оттуда в бинокль.

Пусть он увидит, как выше и выше
Мы поднимаем преступную страсть,
Как зацепляется солнце за крыши,
Чтобы под утро совсем не упасть.
Как удивительный век Двадцать первый
Под мишуру новогодних речей
Юношей стал, утонченным и нервным,
И до сих пор он блуждает ничей.

Все завершается тяжким застольем,
Посох стучит, Дед Мороз без лица,
Кто-то проснется и сразу застонет,
Можно бинокль докрутить до конца.

Все увеличить в последнем пределе,
До отвращения, до сморщенных век,
Тот, кто в прицеле, бесспорно, при деле,
А Дед Мороз выбегает на снег.

Вот он бежит, он мишень для охоты,
Глянь, из какого он тонкого льда!
Вот он упал. Пьяный, что ли? Да что ты!
Не раскрошилась его борода.

Смесью гремучей шампанское с дегтем,
Бросили ложку, подумали – мед.
Год перед нами неспешно пройдет,
Что-то шепнет, но никто не поймет...

* * *

Кто-то за руку меня в толпе хватает
И ведет туда, где холм далекий высится.

Мне тебя так безнадежно не хватает,
Что февраль не может плакать – слезы высохли.
Словно камень, проглочу худое слово я,
Положу любовь свою, как мыло в мыльницу.
А чернил достать сегодня – дело плевое,
С небом кровь смешай – и заливай в чернильницу.

* * *

Сколько ты будешь помнить меня?
Столько трамвай стоит на мосту,
Столько орел кричит на лету,
Столько крепка у танка броня!
Сколько я буду помнить тебя,
Столько закат с крыши течет,
Столько гадать, нечет или чет,
Столько живут, жизнь не любя.
Сколько мы будем помнить друг друга?
Столько трамвай ходит по кругу.

*Есть свидетельства, что после 17-го года
Осип Мандельштам панически боялся матросов.*

Я стихов не писал никогда. Я хочу в эту точку,
Где я шел по Фонтанке в шинели и в окна смотрел,
Я хочу, чтобы кто-то придумал под ноги мне кочку,
Чтоб я больно упал, чтоб я больно лежал, чтоб прозрел
Той бесшумной бездушной зимой девяностого года,
Той беззвучной зимой, где вороны теряли ночлег,
Где бродила во мне изумленная злая свобода,
как вино, что не выпьют, а выльют на проклятый снег.
Там скелет папирсы над городом смерть распростерла,
А мужчины за водкой охотились до темноты,
И несли ее, словно трофей, и лакали из горла,
Чтобы горла обжечь до последней святой немоты.
Я стихов не писал никогда. Я не помню, откуда
Офицерскою улицей Блок доходил до огня,
Только тот, кто боялся матросов, в надежде на чудо
Попросил его слово одно передать для меня.
Там смешались года, времена, а потом размешались,
Словно порции каши овсяной. Солдаты, подъем!
Мы вмешались куда-то, зачем мы куда-то вмешались?
Мы должны были просто остаться навеки вдвоем.
Я стихов не люблю, как соседи, назойливы рифмы,
Я не в силах признать, что без цели и смысла живу.
Я иду по Фонтанке, а рядом идут декабристы,
Чтобы сесть в туристический катер и выйти в Неву.

* * *

Опять мне снилась армия,
Снежинки на плацу.
Там погибал задаром я,
Там вечность не к лицу.
Там небеса несметные
Давали только снег.
Скрипели трубы медные,
Сгорал двадцатый век.
Не надо математики,
чтоб сосчитать во сне
Игрушечных солдатиков,
Что мать дарила мне.
Повсюду буквы стертые,
И прапорщик орет,
Что все мы будем мертвыми,
Отчизна и народ.
Народ с Отчизной выжили
Кому-то на беду,
Но наши души выжжены,
Их в райском нет саду.
Проснулся. Сон не кончился.
Вокруг все тот же ад.
И только колокольчики
Незримые звучат.

* * *

Я размышляю, что за небом,
Не может быть, чтоб там тупик.
Мои слова летят за снегом,
Чтоб сесть тебе на воротник.
Давно пропало то виденье,
И то постельное белье,
Когда я думал, что сведенье
Последних счетов – это зло.
Когда я видел, что над бездной
Лишь птицы тешатся, скользя.
Когда я помнил, что исчезнуть
Тебе никак уже нельзя.
Но в небеса нельзя с разбега,
Там неприступная стена.
Когда умру – то стану снегом,
И ты пройдешь по мне одна.

* * *

Навязчивые сны,
дурацкий шепот строк,
в окно вползает муть
ненужного рассвета.
Глаза мои красны.
Я не извлек урок,
Я так хотел уснуть,
что позабыл про это.
О чем я позабыл?
Когда бы знал, то вспомнил.
И каждый новый день
таранит, как тиран,
тиранит, как тиран.
Тот бал, конечно, был.
Но все невесты в темном.
И вспомнить это лень.
И кто-то кран украл.
И нет воды. Есть кран.

* * *

Сентябрь – военный месяц. У вояк
Кипят глаза и зацветают брови.
И льется кровь. И знает школьник всяк,
Что надо чтить святую память крови.
За окнами еще один вокзал.
Название запоминать не стоит.
Я в поезде. Я чувствую сигнал,
что если умирать, то лучше стоя.
Земля до омерзения сыра,
Безумец босиком по ней пройдет.
А прошлое – как черная дыра.
И в этот раз уже не обойдется.